

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №21 ГАЗЕТА

Владимир Бутенко / Терская клятва

БУТЕНКО Владимир Павлович

Родился на хуторе Дарьевка Ростовской области. Прозаик, поэт. Член Союза писателей СССР и России. Лауреат литературных премии журнала «Наш современник». Автор более двадцати книг. Широкий отклик читателей вызвала трилогия «Казачий алтарь», рассказавшая о трагической судьбе южного казачества в годы Великой Отечественной войны. Роман «К Отчизне ревностью горя» повествует о екатерининской эпохе, об освоении Кавказа и взаимоотношениях с Крымским ханством в конце XVIII века.

Главный редактор альманаха «Литературное Ставрополье». Награжден орденом Терского казачьего войска. Живет в Ставрополе.

ВОИН. ПИСАТЕЛЬ. ДРУГ

Памяти Семёна Михайловича БОРЗУНОВА

(23.02.1919 — 1.10.2020)

Он работал с нами. Более сорока лет был членом редколлегии «Роман-газеты». Был нашим автором и наставником. Был другом и благотворителем (да-да, только о его человеческой щедрости и заботе о нас, своих младших коллегах, категорически не дозволял говорить публично).

Он был воин Красной Армии. В первые же часы 22 июня 1941 года танкист Семён Борзунов встретил врага в районе Перемышля. Раненный, отказался от госпитализации и остался в боевом строю. А потом были оборона Львова, Тернополя, Киева...

Став военным корреспондентом, офицер Борзунов принимает участие в наступательных боях под Ленинградом и Тихвином, Сталинградом и Воронежем, с группой разведки среди первых форсирует Днепр, наравне с гвардейцами сражается с оружием в руках.

Будет в его фронтовой судьбе и горящий Берлин, и освобожденная Вена, и заключительные, дальневосточные, дни Второй мировой.

Несколько лет назад Семён Михайлович подарил редакции «Роман-газеты» часть своего писательского архива, посвященную истории нашего журнала. Он бережно и кропотливо собирал материалы, посвященные нашим авторам, рецензии и читательские отклики. До сих пор этот борзуновский архив «работает» на нас и наших читателей: мудрое слово старейшины журналистского цеха помогает держать равнение на лучшие образцы отечественной прозы.

Семён Михайлович прожил очень долгую жизнь. И всё же его уход для нас огромная боль. Он лю-

бил наш журнал и нас, тех, кто работал в редакции. Опекал, поддерживал советом и добрым словом. Красивый и благородный образ русского офицера, безупречная журналистская этика, бескомпромиссность в отстаивании своих идеалов — всё это сочталось в Семёне Михайловиче Борзунове.

Светлая ему память!

Редколлегия и коллектив «Роман-газеты!»

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2020

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2020 №21 /1866/ Основана в 1927 г.

Владимир Бутенко

Терская клятва

Роман

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
Эту взятую с боем суровую правду солдат.

С. Гудзенко

Часть первая

1

Второе лето войны выстоялось на Тереке по обыкновению жарким, суховейным, скупым на дожди.

Где-то за сотнями верст, в неведомых березовых краях, Красная Армия всё ожесточенней сражалась с наступающей гитлеровской ордой. Там, на фронтовых рубежах, от орудийных залпов рвалось и полыхало небо, стоном стонала земля и с дьявольской хваткой свинцовые смерчи уносили души праведных наших ратников. Там, вдали, за спиной клятого врага, точно бы в преисподней, не находилось меры скорби и мучениям славянского люда, и стнали плакучие ивы, и прах православных деревень, расстрелянных и сожженных карателями, падал на луга тяжелой черной росой. Знать, оттого был явлен знак свыше! И по Святой Руси — в избах и церквях — стали озаряться чудотворным светом и мироточить, укрепляя молящихся верою во спасение, иконы с ликом Богородицы...

А на вольном кавказском подстепье, в станицах и хуторах «бабьего царства» ещё угадывались приметы укоренившейся жизни. От зари до темна гнулись колхозницы да подростки на полевых работах. Иной раз «фронтовым звеньям», взявшим обязательства перевыполнить план, приходилось поневоле разрываться: с утра ворошить в валках сено, затем стричь на кошаре овец, а с обеда подвязывать виноградные лозы. На фермах хозяйничали одни доярки — и косили траву, и латали крыши, и обмазывали глинобитные стены. Из-за нехватки рук в садах убирали урожай шефы: пятигорские студенты и учителя. Они же в обеденный час проводили на станах громкие читки газет. По сводкам Совинформбюро, если не было в домах радио, узнавали селене о том, что происходило на фронте, о подвигах советских солдат и партизан.

Однако с половины июля у почтенных бородачей Пьяного Кургана, прошедших не одну войну, возникли сомненья, что пишут в «Правде»... не всю правду. Похоже,

враг давит не шуточно, оттого отступают гвардейские дивизии, и гнётся фронт к югу, будто подрубленная верба. Ко всему, на прежнем Царском тракте, что был верстах в пяти западнее и вёл к Моздоку, прихлынуло пеших беженцев, росло движение грузовиков и госпитальных обозов, телег и арб с домашним скарбом, подвод с имуществом небольших производств и учреждений. Нескончаемый поток нарастал и тянулся вглубь Кавказа, к Орджоникидзе.

Веселое название хутор носил исстари — здешние казаки-ухари не только прославились ратными подвигами за веру, царя и Отечество, но и горазды были погулять, плясками и чихирем¹ душеньки отвести. Недаром по всей округе — до станиц Стодереvской и Галюгаевской — разлетелась молва об искусных местных виноделах. Чтили хуторяне старожилы и ценили их советы. Также заведён был обычай заканчивать свадьбы полной «закуржанной чаркой» в честь жениха и невесты. А еще на другой день после торжества молодожены должны были вдвоем подняться на вершину бугра, где от сторожевого пикета осталась насыпь, и там, под Всевидящим оком, дать друг другу клятву в верности.

Приютившееся со стороны степи под склоном, это казачье селение теплило взор размашистым и ладным видом. Любо было оглядывать в отдаленье гряды Кавказских гор, ближе — полноводный Терек, подковой огибающий окраину и уходящий за лесной соловьиный остров. А внизу, под склоном, — густой щедрый сад, смыкающийся с центральной площадью, где сиротела со времен Ермолова деревянная часовенка. По весне, когда готовились хуторяне к Пасхе, нарядно прихорашивались присаженные и все белёные, как на подбор, хаты трёх просторных улиц.

В осеннюю пору созревало в погребках молодое вино, возгорались пиршества, и до слез трогали казачьи души — точно подтягивали им с выси — голоса журавлей, находивших временное пристанище в заречье. Оно было сплошь покрыто мелкими голубоватыми соцветьями горьнь-травы. И, наверно, усталые птицы принимали её за обширное озеро. Об этом можно лишь догадываться, потому что никто из хуторян не ходил туда, не приносил домой жестких безуханных букетов, зная, что приворотная трава — к расставанию...

Второй век уже стоял Пьяный Курган на Тереке, но за извечными заботами и службой нечасто приходилось казакам бытовать в покое и радости. Так и с начала нынешнего военного лихолетья — в опустевших домах не до празднеств. Безутешная печаль, вравшись с первой похоронкой, не скудела, а прибывала.

Ефросинья и её подруги неспроста встревожились, прослышав о предсказаниях знахарки. Кривая

на один глаз, с нечесаными волосами, эта Матрена-странница точно лишилась рассудка в пору цветения диких тюльпанов — лазориков. Дурную приметку усмотрела она в том, что необычайно рано, еще до прилета ласточек, по мартовскому приволью занялось кумачовое цветочное пламя, будто подоженное зарей. Вечерами тончайшая свежесть доплескивалась до самых дворов. А эта оглашенная, бродя по улицам, предрекала одни испытания.

— Люди! Али не видите?! Красным цветом степь затопило! Это к большой кровушке... Обильно прольется её, — угрожающе повторяла Матрена, надрывая осиплый голос.

Вслед ей из дворов неслись то язвительные насмешки, то хула и требования замолчать, чтобы на самом деле не разбудила новое лихо. Но кликуша, озираясь, вскидывала кизилевый посох и подвывала громче прежнего:

— Вороги придут с железными головами, казни учинят! У-у... Вижу я их, на колеснице огненной едут, пушки палят...

Угроза колхозного парторга «посадить» за насаждение паники вразумила Матрену. Поздней ночью со всеми пожитками она тайком покинула хату бабки Черноусихи, где ютилась, и подалась неведомо куда.

Вспомнили о том пророчестве в конце июля, когда после обильного ливня, промочившего на поле снопы и землю, бригадир с полудня отпустил домой женщин, омраченных вестью о взятии Ростова врагом. Никто из них ещё не ведал, что письмоносец Лёшка уже разнес газеты и конвертики с казённым штемпелем.

Не минуло и получаса, как женские причитания и вой, — соединившись в жуткое многоголосье, — перекаистой волною пронеслись из одного края хутора в другой. Разом лишились родных, осиротели четыре казачьих семьи!

В тот день сразила похоронка и Ефросинью. Она с трудом припоминала первые часы всепоглощающего отчаяния, что мужа больше нет, и — навек потеряла опору в жизни и единственную любовь. И одновременно не верилось ей, что это правда. Смутно помнила, как приходила соседка тетка Василиса и подруги, коротали с ней ночь, советовали поплакать. А у неё глаза были сухие, как в жару степные криницы. Она воспринимала слова будто оглохшая. Проводив их, поняла, что лучше — одной. Тут-то горше прежнего прожгла душу боль, и стала кричать, и жаловаться Богородице, уткнувшись лицом в подушку, а выплакавшись, — отрезвела, точно быхватила глоток воздуха, вынырнув из реки. И загадала: если с мужем не случилось страшного, то лампадка возгорится, хотя с Троицы никто к ней не прикасался. Ефросинья на ощупь взяла с печной вьюшки коробку спичек и подошла к божнице. Чиркнула — слабо озарилась родовая икона Влади-

¹ Чихирь (тер.) — домашнее виноградное вино.

мирской Божией матери. Она пустила огонек по припаленному краю фитилька. И он обрел форму золотой горошины, затеплился ровно и ясно. Но лик Богородицы показался Ефросинье в этот миг необычно печальным. Она стала на колени, шепча молитву. И, прежде мимолетные, окрепли ее мысли. И уверилась в том, что похоронку прислали не по адресу...

Поздним утром разбудил Ефросинью оклик. Рас-терянно вскочила она, шуря ослепшие от слез глаза и ощущая во всем обессиленном теле дрожь. Не сразу сообразила, сколько сейчас времени и для чего пожаловал бригадир Малюгин, страшно похудевший за последний год, сивобородый, в обвисших чёрных шароварах и косоворотке навыпуск.

— Соболезную тебе, Ефросинья, — вполголоса пробасил Савелий Кузьмич, сдернув с головы поношенный парусиновый картуз. — Борис и мне по матери, по Грудневым, родней доводится... Пал за Родину, как подобает терцу. Вечная ему память! И Царствие Небесное... Раз такая его доля, то хоть плачь, хоть кричи, а героя не поднять. Война, Фрося, никого не жалеет, а метит дома несчастьем, как зима снегом. По такому делу, без толку голосить и убиваться — только душу надорвешь. Баба ты молодая, при силе, красотой в хуторе всех превзошла. Горе горем, а надобно торить стезжу дальше. Сына поднимать. Как говорится: терская казачка беды на коромысле несет...

Бригадир, завзятый табакур, перевёл надсадное дыхание. Отстраненно помолчал, собираясь с мыслями.

— Само собой, положен тебе выходной. Я — не камень... Но рассуди сама. Зараз снопы на солнце подсохли, бабы цепями молотят. Вера Федотова тоже без мужа осталась, а не прохладается. Зараз на винограднике. Вот и ты, как сознательная гражданка, подмогни родному колхозу. Обмолотим ячмень и рожь, свезем на ток. Потом отведем — и потечет зерно стране и армии! Опять же, согласишься, на людях горе не такое колючее. Слезы не поливают, а без следа высыхают. Правильно я толкую?

Она едва заметно кивнула.

— А свекор и малец до сих пор в отъезде? — надев картуз, с удивлением проговорил бригадир. — Советовал обождать — не послушал. Сказано, бедовая голова!

— Оба у мамы, в Горячеводской.

— Была станицей, а зараз с Пятигорском срослась, — пробормотал бригадир, сводя хохлатые брови. — Угораздило его в такое время грязями лечиться! Я спину пчелами спасаю. Нажигают до слез, отлежусь — и снова на ногах. Сегодня ты пан, а завтра... Сводки хуже некуда. Немцы на Ворошиловск¹ нацелились! — Гость, помрачнев, потащился к двери,

оглянулся. — По такому делу, должны работать ударно! Может, на бедарке² к току подвезти?

— Я приду, дядя Савелий, — отрешенно ответила Ефросинья, взглянув отсутствующими глазами. — Я поняла...

2

Укрепрайон № 151, охвативший дугой юго-восточный берег Крыма вблизи Керченского пролива, был укомплектован частями из уральцев и сибиряков, прошедшими специальную подготовку. Борис Груднев попал в отдельный пулеметно-артиллерийский батальон после выписки из госпиталя. Просмотрев красноармейскую книжку, лейтенант на пересельном пункте заключил:

— Пойдешь в пулеметчики. Ты воевал. Обстрелян. А то «на авось» присылают юнцов, пороха не нюхавших. Теорию они знают, а как начнет «ганс» лупить, душа в пятках!

Сержант Груднев был назначен начальником пулеметного расчета. Командир взвода Свиридов, двадцатилетний младший лейтенант, недавно выпущенный из училища, проверил у новоприбывшего навыки в стрельбе по мишени, задал вопросы по уходу за материальной частью «максима» и баллистике и убедился, что он хорошо подготовлен. Сержант и внешне располагал к себе. Выше среднего роста, с круглыми бульжниками плеч и крепкой шеей, узколиц и привлекателен открытой белозубой улыбкой. В разговоре, позабыв о субординации, комвзвода с любопытством стал расспрашивать Бориса о службе. А тот отвечал сдержанно, что призван прошлой осенью, когда вспахали в районе зябь. Предлагали продлить «бронь» как механизатору, но отказался. Сначала обучался на курсах пулеметчиков. В первом бою под Ростовом был контужен. После медсанбата служил до ранения в разведке.

— А как ранили? В бою?

— «Языка» с ребятами взяли и переправляли через речку. Немцы засекли. Мы с ефрейтором Лапченко остались в прикрытии группы. Уже на берегу были, когда граната взорвалась. Мишку — насмерть, меня осколком задело. Заполз в камыши, кое-как перевязался. А на другую ночь смог обратно переплыть...

Май начался с ярого тепла, баловал солнечными деньками. Линия обороны укрепрайона была проложена с учетом рельефа местности. Многочисленные доты и дзоты, бетонные колпаки, ходы сообщений и окопы, противотанковые траншеи по высоткам и курганам должны были, по замыслу командования, стать непреодолимым редутом для врага, пробивающегося к Керченскому проливу. Но в спешке строи-

¹ Ворошиловск — Ставрополь.

² Бедарка (южн.) — двухколесная повозка.

тели соорудили оборонительные пункты из белого туфа, маячившего на всю округу. Командир батальона, хватившись вовремя, приказал демаскирующую «рекламу» замазать грязью.

Немцы открывали по утрам спорадический артиллерийский огонь. Издали долбили из пушек — то недалет, то перелет. Пулеметчики по неопытности решили, что фрицы «давят на психику». Но Борис, оглядев расчет, вразумил:

— Не жалеет враг снарядов, чтобы только напугать? А на какой, скажите, ляд? Выходит, фрицы глупее нас?

Наводчик Фрол Михайлов, немолодой усатый алтаец, его жизнерадостный земляк, «второй номер» синеглазый Василь Антошкин и подносчик боеприпасов молодой уралец Силантий Лаптев приумолкли.

— Нет, братцы. Они расчетливы и умны. С умыслом берут наш участок в «вилку». Пристреливаются. Пулеметное гнездо перенести мы не можем. И дзоты с дотами — те же неподвижные мишени.

По данным фронтовой разведки немцы готовились к прорыву в середине мая. В укрепрайоне старательно налаживали телефонную связь, штабники отработывали взаимодействие с подразделениями, артиллеристы маскировали огневые точки, уточняя секторы наблюдения и обстрела.

На рассвете восьмого мая побережье потряс оглушительный грохот взрывов. Все части укрепрайона были подняты по тревоге и приготовились к обороне. По чрезвычайной плотности оружейного огня Борис скоро понял, что это не просто артобстрел, а мощная подготовка наступления. Его расчет занял боевую позицию между дотами, с сектором обстрела левого фланга. В пулеметном гнезде рядом находился второй расчет с командиром взвода Свиридовым.

Показалось, грянуло землетрясение. Под сапогами залихорадило почву. Высокие темно-рыжие столбы взрывов вал за валом приближались к рубежу батальона. Предполье и передняя линия за четверть часа были распаханы и разбиты, до неузнаваемости обезображены воронками, каменными грудями бывших укреплений, останками минометов и пушек. Жутко было видеть тела красноармейцев, разбросанные по дымящейся, опаленной дочерна земле.

А тяжелые гаубицы по-прежнему выверенно кромсали крымскую землю, дробили колпаки и стены дзотов. Огненные призраки сквозняками носились над землей, обдавая лица бойцов серной вонью, удушливой кислотой дыма и жженого металла. Борис, время от времени высовывая голову из окопа, осматривался, пока не разнесло каменную раму укрытия. Пулемет покосило, на коже осталась вмятина. Расчет, за исключением командира, лежал на дне окопа. Пулеметчики, точно в лодке, сбились плечом к плечу, погромыхая при нелов-

ких движениях касками. Их лица, скованные ужасом, пестрели разводами. Они держали «огневое крещение». Каждый переживал его по-своему. Наводчик, не сводя глаз с «железного друга Максима», порой оглаживал пшеничные усы. Силантий покашливал и часто шмыгал носом, забитым песчанистой пылью. По движению губ красавца Антошкина догадался Борис, что тот тихо напевал. Вдруг по щитку с коротким промежутком цокнули два осколка, — на коже пулемета осталась вмятина. Позади себя Борис услышал вскрик. Он оглянулся. Василь со стоном выгнулся, упершись ногами в стенку окопа, — и уже в беспамятстве катнул головой по плечу Михайлова. Уралец вскочил как ошпаренный, поняв, что товарищ умирает. В расширенных глазах мелькнул огонек безумного страха. Борис рванул его за руку:

— Лечь!

И толстогубый Сила потерянно сполз спиной по сыпучей стенке. Михайлов, потемнев лицом, упокоил голову товарища на патронном коробе. Затем, перекрестившись, большими пальцами сомкнул покойному еще теплые податливые веки...

3

Смерть, заглянувшая в окоп, потрясла пулеметчиков. Силантий затравленно озирался, будто ища выход, куда бежать. Еще больше побледнел Михайлов, однако терпел с нажитым мужицким упорством.

Залпы стали замирать и — разом оборвались.

Обложная сомкнулась тишина, только в ушах еще долго стоял тонкий комариный звон. Вслед за командиром вскочили на ноги и пулеметчики. Борис осматривал позиции батальона, над которыми нависал дымовой сумрак, сузивший видимость до нескольких метров. Близ пулеметного гнезда, где находился второй расчет, дыбился сугроб песка с обломками туфа. Раздолбанные доты громоздились перекрытиями и бетонными глыбами. Оттуда доносились жалобные стоны. Борис видел, как курилась сожженная земля и плавился понизу раскаленный стеклянный воздух. Нужно было поднять тело погибшего, и он дал команду, остро переживая потерю бесстрашного парня.

Пулемет при беглом осмотре показался годным к использованию. Только на бронированном щитке расписались еще три осколка. Михайлов начал тщательную проверку оружия, а Борис на пару с Силой принялся откапывать товарищей. Поблизости сновали санинструкторы, связанные из штаба. Из уцелевших дзотов выбирались солдаты. Офицеры, покрывивая, командовали разбором завалов.

Но едва осветлело от растаявшего дыма и проступил небосвод, как по укрепрайону раскатилось, стократно повторяясь эхом:

— Воз-здух!

Борис повернул голову в сторону моря, откуда приближался басисто грубеющий гул. С юга, со стороны Феодосии, плыла в поднебесье эскадрилья бомбардировщиков, напоминая угластую стаю. И так же, как вожак выстраивает птиц, самолеты стали разбиваться на звенья, разворачиваться в боевой порядок. Потом снизились и, по очереди входя в пике, начали бомбить. Тускло отблескивая на солнце, фугасы обрушились градом, с устрашающим воем...

Борис сознавал всю серьезность положения. Взрывной волной и осколками искорежило пулемет. В заваленном наполовину окопе пулеметчики лежали, выставив одни лица. Борис переглядывался с Михайловым, а «третий номер», здоровяк Сила, безмолвствовал. Ад бомбардировки длился не менее получаса, пока «юнкерсы», выхолостив смертоносные утробы, не улетели. Снова поразила наступившая тишина. И сполна почувствовали они ядовитую тяжесть воздуха, насыщенного пороховыми газами. Борис с трудом выбрался из окопа.

— С крещением! — проговорил он, ощущая, как вонь сгоревшего тола и пыль точат горло. — Разрешаю обедать, коль остались без завтрака. Водка осталась?

— У Василя, должно, — ответил Михайлов со вздохом, крепко огорченный потерей товарища и тем, что его пулемет вышел из строя.

— Посмотри.

Раскрасневшийся во всё лицо Сила, которому было невтерпёж, взвился из окопа и хватил к груди железобетона. Деревенская стыдливость даже здесь не покинула парня.

Михайлов медленно, будто что-то его останавливало, распустил узел чужого вещмешка. Выложил на площадку бруствера фляжку и банку тушенки. Борис рубанул рукой:

— Разливай. Помянем.

Фляжка была полной. Михайлов, который призывался вместе с погибшим, от волнения говорил дрожащим голосом:

— В учебке был Антошкин запевалой. Все песни знал. А теперь... навек утих. И почто его матушке такое горе? Не успел, сердешный, даже выстрелить...

Он посмотрел повлажневшими глазами на разбитый пулемет, за которым ухаживал, словно за ребенком. Затем покосился на Силу и залпом выпил.

— Вот тебе и первый бой! Хоть бы ленту израсходовали, хоть бы одного фашиста уложили ... — продолжал безутешно Михайлов, держа в руке нетронутый сухарь. — А теперь что? Кожух в двух местах пробит, ствольная коробка ремонту не подлежит, прицельную планку погнуло. Вот тебе и сектор для обстрела... От всего нашего взвода, должно, только мы уцелели.

— Войны на всех хватит. Еще настроляешься, — отозвался Борис. — Мощь у немца чертячья! Голыми

руками не возьмешь. А мы фактически безоружны. Хотя бой, похоже, еще не закончен...

И, на самом деле, будто ветром надуло монотонный звук. Он обрел жесткость, и послышался гул моторов, перебиваемый лязгом гусениц. Из прибрежной долины, извиваясь, выползла танковая колонна. Машин, как насчитал Силантий, было пятьдесят две. Не подавая виду, что от волнения свело скулы, Борис скомандовал:

— Приготовиться к бою!

В предполье танки развернулись во фронт. И с дальнего расстояния открыли беглый огонь. Довольно плотная их цепь, не встретив никакого сопротивления, проутюжила передовую.

— На нас прут! — запыленно крикнул Силантий. — Вон, от высотки.

Два «панцера», прикатав попутные окопы, ринулись на позиции артиллеристов и пулеметчиков. Их дула беспрестанно плескали огнем. Борис, заметив тревожно-растерянные взгляды пулеметчиков, принял решение.

— Слушай приказ! Оставить себе «лимонки», а мне передать РГД¹. По ходам сообщения продвигайтесь к берегу. Оттуда — к заливу. Старший — Михайлов. Выполняйте!

Минуты были сочтены. Когда шаги подчиненных стихли, Борис, торопливо срезав штыком-кинжалом лямки со своего вещмешка, принялся обматывать имевшиеся у него три гранаты. Только связкой, как говорилось в наставлении по стрелковому делу, можно поразить танк. Убедившись, что связка гранат прочна и довольно тяжела, Борис застыл в ожиданье. Мельком глянул на часы: уже полсуток не покидал он окопа, и потому болезненно пульсировало в висках и ломило всё тело, изможденное жарой.

Неотрывно следя за ближним «панцером», он отхлебнул из фляжки воды. Притупившая прочие чувства ненависть прибавила сил. И когда танк напрямую направился к пулеметному гнезду, Борис лег на дно окопа и затаился. В эту минуту вспомнился ему отчий дом, Ефросинья и сынишка. И обожгла мысль, что никогда не узнают родные, что случилось с ним здесь, на крымской земле, потому что не осталось вокруг свидетелей. И всё же всем нутром противился он страшной развязке, и жила надежда на спасение...

Наконец, словно в ознобе, затряслась земля — и широкая железная туша закрыла небо. Обдало вонью бензина и жаром раскаленного мотора. Танк прокатился над ним! Борис вскочил, с замаха швырнул связку в бензобак. Вновь упал на дно, не успев заметить, поджег или нет. Рев танка сбился, стал прерывистым и — заглох. Он с пистолетом в руке выглянул. Ветер завивал языки вокруг башни. Резко

¹ Гранаты, использовавшиеся в Красной Армии для поражения живой силы и танков.

вскинулась и закрепилась в вертикальном положении крышка люка. Точно подброшенный пружиной, в его проем стал вылезать танкист в черном шлеме и комбинезоне. Борис, прицелившись, выстрелил. Сраженный немец провалился вовнутрь. Второго танкиста он уложил, когда тот прыгал с передка на землю. И следом, взметая огненный столб, грянул взрыв боезапаса. Воздушным вихрем обрушило основание бруствера. Бориса прожгла такая мучительная боль в левой стопе, что он закричал. Из последних сил сдвинул бетонную глыбу и — темнота залила глаза...

Он очнулся в сумерки от ощущения, что кто-то трясет за плечо. Открыл глаза и расплывчато различил над собой лицо Лаптева.

— Товарищ сержант! Вы живой, а? Товарищ сержант... — испуганно твердил Сила.

— Да не дергай так, — поморщился Борис. — Почему ты здесь?

— На берегу десантники. Михайлова убило. А я утёк. Видел, как вы танк подожгли.

— Ногу мне придавило. Разрежь левый сапог. Перевязывать умеешь?

— Конечно. Я понятливый. Даже на гармошке выучился.

— Мне не дойти. Выбирайся один.

— А я вас — верхом. Я бревна таскал в пять пудов, подсоблял плотогонам. Лаптевы все шибко здоровые и первые драчуны. Тятка меня не зря Силой назвал!

Поздней ночью они направились к проливу. Сначала Борис передвигался самостоятельно, опираясь на палку. Но мука стала невыносимой. Он беспомощно остановился и выругался.

— Я же баял, что лучше верхом, — дружелюбно попенял Силантий. — Только держите пистолет на изготовку, а то... нарвемся на медведя...

Уралец присел, подставляя широченные плечи. Зашагал твердо, как ставший в колею вол. Изредка отдыхал и с прибауткой: «Битый небитого везет» — топал дальше. Перед утром, миновав немецкие посты, они добрались до поселка Еникале, к берегу Керченского пролива.

У пристани и под горой — вперемешку различные части уже не существующего Крымского фронта. Время от времени отряды добровольцев вступали в бой с немецкими автоматчиками, отгоняя километра на два в степь, и возвращались. От пристани Еникале до косы Чушка — армейская переправа. Катеров не более десятка. Их берут штурмом. Лаптев отправился искать плавсредство. Борис сидел у самой воды, зарыв в прохладный мокрый песок огнем полыхающую ступню. Нога до колена распухла, отяжелела, как дубовая чурка.

Силантий вернулся с надетой на шею, как хомут, автомобильной камерой. Глаза его обнадеживающе блестя.

— За водку выпросил у шофера. Так многие переправляются. Одной рукой держатся за камеру, а другой гребут. Тут, сказал мне шофер, течение в сторону моря. А теперь обратный ветер, и нас погонит куда надобно. Только вода холодновата, — поежился Борис. — Да я привычный. У нас Угрюм-река всегда студеная.

— А я с Терека. Он с кавказских ледников бежит...

У пристани стали свидетелями, как командир батареи их полка, молодой лейтенант, с перебинтованной головой и рукой на перевязи, докладывал подполковнику особисту в новенькой фуражке с синим околышем:

— Я отступал последним с двумя ранеными артиллеристами. Они подтвердят. Укрепрайон стерт с лица земли. Мы отбивались, пока не израсходовали патроны.

— Там насчитывалось более четырех тысяч живой силы. Как думаете, сколько уцелело?

— Не могу знать, товарищ майор. Сотни три-четыре...

Над проливом хищно пронеслись «мессеры», метили очередями в катера и баркасы, в смельчаков, решившихся — поодиночке и группами — преодолеть вплавь пятикилометровый рубеж. По водной волнистой глади влеклись разбитые плоты, обгоревшие доски, трупы людей и животных, ветки, кладбищенские кресты, бревна. К непрогретой воде Борис постепенно привык, боль поутихла и позволяла шевелить ногой. Плыли, время от времени переговариваясь, ободряя друг друга. Борис не переставал дивиться превращению, случившемуся с «третьим номером». Еще вчера был Сила увальнем и трусоватым простаком, а сегодня и размышлял, и вел себя уверенно, точно в первом бою от страха сделали прививку. Видимо, такова особенность русского воина: становиться от сражений трехжильным, с яростью биться и за тех, кто навек полег на поле брани.

Ветер гнал волны к Азову, и течение почти не ощущалось...

4

За непрерывной работой, — спозаранку до полуночи приходилось забрасывать лопатами зерно в веялку, вращать её тяжелую ручку, отвозить на тачке очищенную рожь в бурты — Ефросинья, уставая до изнеможения, забывалась, исподволь вступала в бесхитростные разговоры с женщинами. Пожилые хуторянки взяли вдов под опеку. Примерами из своей жизни, полной утрат и страданий, убеждали, что поддаваться унынию и падать духом — тяжкий грех, а, наоборот, надобно, как травушка после заимки, цепляться за свое бабье счастье ещё крепче...

Перед обедом неожиданно на ток примчался председатель колхоза. С крупа его измученной ко-

были срывались хлопья серой пены. На удивление, явился Камышан не в будничной одежде, а в новенькой гимнастерке, с орденом Красного Знамени. Эту награду цеплял он по праздникам, и подумалось Ефросинье, что «начальство» — с обнадеживающей вестью. Но бывший красногвардеец, морщинистый, с набрякшими от недосыпа глазами, затенно курил папиросу за папиросой, пока к весовой собирался люд.

Кипятком обжигал голые плечи полуденный зной. От буртов тянуло запахом прокаленной ржи. Сизо-белесое, выгоревшее небо вкось чертили ласточки. Неуёмный суховой сорил пылью и половиной, шало трепал юбки. Хуторянки, подростки и старики, переговариваясь, стекались с хмурыми лицами, — молва о наступлении немцев, о том, что на Моздок правятся не только гражданские, но во множестве красноармейские колонны, уже облетела улицы.

— Дорогие товарищи колхозники! — энергично обратился Камышан, оглядывая хуторян, вставших полукругом. — Немецкие захватчики, прорвав оборону родной Красной Армии, подошли к Минеральным Водам. Наш район с нынешнего дня — на военном положении. Парторг Еремеев призван в строй защитников. Фронт, можно сказать, не за горами. От Пьяного Кургана — километров двести...

И Ефросинья замерла от мысли, что родные до сих пор не возвратились из поездки.

— Районным комитетом обороны объявлена эвакуация. Налажен вывоз сельхозпродукции и отгон скота. А то, что останется, подлежит уничтожению. Но паниковать, товарищи, рано! — Председатель снял мокрую от пота фуражку и рукавом провел по бурым прядям, прилипшим ко лбу. — Как говорил товарищ Сталин, от каждого из нас требуется полная мобилизация сил. Поэтому ставлю неотложные задачи. Первое. Несмотря на жару, приступаем к вывозу зерна. Прямо сейчас подъедут подводы. У кого нет подборных лопат, разрешаю смотаться домой. Второе. Завтра с утра начнем на горе рыть траншею. Для руководства придет военный. Невыход будет воспринят как пособничество врагу...

Ефросинья уловила тяжкие вздохи, перелетавшие от уст к устам. Наверняка встревожились и подруги. Белый свет вдруг сузился. Щемящее чувство безысходности сковало душу. Точно разбежавшись по береговой поляне, вдруг обнаружила она, что впереди — глубокий обрыв...

Председатель говорил сурово, подбирая проникновенные слова и жестикулируя. Ефросинья — за пеленой набежавших думок — слушала вскользь. И вместе с другими испытывала растущую тревогу, догадываясь, что Камышан «толкает речь», чтобы не допустить разброда и сохранить в колхозе дисциплину.

Затем на комсомольско-молодежной «летучке» был наспех сформирован отряд для особых поруче-

ний. Старшей в звене председатель назначил её, Ефросинью Грудневу, ударницу труда, хотя она со слезами просилась съездить за сыном в Пятигорск.

Кучер Сашка Аржанов то и дело хлестал меринка кнутом, не обращая внимания на визг перегревшейся втулки колеса, готового в любой миг слететь. Телегу трепало, несмотря на слой пыли. Набитый за время страды летник, виляя по балкам, вел к полю, где на редкость удалась озимая пшеница. Скосили ее незрелой и снопы в стожках оставили прямо на жнивье, чтобы зерно «дошло». Но война внезапно порушила планы. Машины МТС и большая часть колхозных подвод были отряжены для срочных армейских нужд.

Ефросинья сидела рядом с возчиком, а на задней лавке тряслись Валентина Акименко и Наташка Можнова — обе крепкие, бойкие молодайки. Они угрюмо молчали, надорвавшись на погрузке зерна. Только на поворотах, когда подводу заносило, поругивали кучера. Но Сашка не обращал внимания, помня наказ бригадира: «Гони единым духом!» На дне телеги, сталкиваясь, погромыхивали канистры с соляркой, свежесрубленные палки с паклей, намотанной в виде булавы. Ехали понурыми. Родная степь стала отчужденной, беззащитно распаханной...

Августовское небо, в густом засеве звезд, по северному краю багово светилось заревом. Поминутно на незримой черте горизонта роились зарницы, — и оттуда, с задержкой, доносились оружейные удары. Дурашливый конь прядал ушами и шараялся. Возшедшая полуночная луна, в красноватом мертвенной бронзе, кралась вдоль темных очертаний гор, низкая и мятежная. Когда подвода спустилась в суходол и минули кизилую рощу, вслед завопил, зашелся хохотом сыч. И Ефросинья, осознавая неотвратимую близость войны, горестно закусила губу...

В лунной полумгле обозначались длинные ряды стожков. Подводу оставили на краю лесополосы. Взяв палки, казачки побрели по рослому пахучему чернобылу к холмистому полю. Следом Сашка понес тяжелые канистры.

Приглушенный гул фронта не умолкал. К свежести ночи примешалась едкая горечь. Подросток стал поджигать факелы и раздавать их женщинам, стоящим в оцепенении. Подавая пример, первым ринулся на поле. С ходу подпалил крайний стожок. Вертикальные языки пламени лизнули сохлые стебли, ручейком взметнулись по колосьям.

— Что вы как вкопанные? — оглянувшись, возмущенно крикнул Сашка. — А ну, давайте!

Валентина, всхлипнув, тронулась с места:

— Как же палить, Господи... Когда это — пшеничка. Как руку на хлеб поднять?

Ефросинья, ускорив шаг, опередила подругу. А у самой глаза мутились, и тяготило чувство, что пред-

стоит сделать нечто постыдное, на что не решилась бы прежде. Ранила острая мысль, что так круто ломается жизнь, в которой не остается ничего святого, и подступила беда, казавшаяся вчера за тридевять земель...

Костры, ярко вспыхивая, множились на поле. Наверное, со времён половцев не знала терская степь такого большого и разгульного огненного хоровода! Огонь и тьма бились в дикой схватке. Будто из-под земли вырывались пламенные чудища, взмывая оранжевыми лапами столбцы искр. Вволю наплясавшись под ветерком, они не сразу теряли накал, а сворачивались в огнедышащие вороха, мерцающие волчьим оком. Факельщицы, задыхаясь от зерновой гари, поджигали стожки с наветренной стороны, чтобы меньше глотать дыма. Их тени причудливо протягивались по стерне. Всё тревожной ржал привязанный к дереву конь. Закопченные лица блестели от обильного пота — вблизи клокочущего пламени было адски жарко, но никто не сделал даже короткой передышки...

К двум часам ночи жнивье сплошь покрылось гарью и пеплом. Еще во власти какого-то неведомого языческого азарта, они собрались у подводы, наблюдая, как дотлевали кострища и светились бегучие огоньки по стерне. Обессиленные руки висели плетью. Запал обыденно сменился чувством свершенного дела. Огонь иссушил лицо, стянул корочкой губы. Жутко хотелось пить.

— Поехали! Нечего распыкивать, — торопил Сашка. — Мне в Курскую с утра за почтой. А когда коню отдыхать?

— Не командуй! Мы не кони, а люди, — осадил Ефросинья, ставя ногу на колесо и глядя в тронутое огненными бликами лицо парня. — Остановишь возле криницы.

— И напротив става! Хоть рожи обмоем, — прибавила Валентина, грузно переваливаясь через борт телеги. — Закоптились, как чугуны.

Ледяной водицы вдоволь испили из родника. А запруженную балку кучер с разгона проскочил. Тут-то и попал он казачкам на язык. Особенно горячилась Наталья.

— Ухналь ты, сучок терновый! Для женщины помыться — первое дело. А ты? Сивого мерина пожалел. Ещё называется, член ВЛКСМ, — язвила она, раз за разом сбивая Сашкину кепку с затылка на лоб. Тот оглядывался, поправлял.

— Чуб зачесываешь, как кацап. Картуз, и то носить не научился. А у девок небось просишь?

— О Родине надо думать, а не болтать, — огрызнулся парнишка.

— Ты на него не наговаривай, — нарочито серьезно вступилась Валентина. — Лучше всех читает он Маяковского и значок комсомольский всегда носит, должно, с ним и спит. А почему не глядит на нашу сестру? По малолетству не имеет оружия, одни ножи, вот и не гож на милованье.

— Тю! А я и не того...

И обе дружно прыснули. Сашка буркнул что-то сердитое, подстегнул и без того ходко бегущего маштака.

Ефросинья отстраненно молчала. С удивлением думала, как после такой изматывающей работы подруги могли еще зубоскалить. Вероятно, этим бессознательным озорством успокаивали души? Или от предков унаследовали казачью жизнестойкость, умение быстро отрешаться от бед, чтобы выстаивать перед тем, что надвигается?

5

В хутор въехали чуть свет. Валентина, жившая ближе всех, сманила искупаться. Над Терекком курчавился туман, цеплялся прядями на ветвях осокорей и дубов, стеной закрывающих островной берег. Пахло мокрой глиной и молодым тростником. Было зябко. Быстро раздевшись донага, казачки с визгом бросились в воду. За ночь она прибыла, оказалась напористой и до дрожи колючей. Течение несло пучки молодого сена, щепки, черные завитки овечьей шерсти. Наверняка в дальних осетинских горах прошли дожди.

Пора было расходиться по домам. Но Валентина по привычке зазвала к себе. И пока подруги во дворе развешивали юбки и кофты, насквозь пропахшие дымом, наведальсь в дом, где спали дочка и свекровь. Принесла оттуда кувшин вина и распахнула дверь летней кухни. За разговором накрошила в миску помидоров и лука, полила подсолнечным маслом. Выставила старинные серебряные стопки. Несмотря на полноту, вертелась хозяйка юлой, добавила еще к закуске капустного пирога и малосольных огурчиков.

— Винцо прошлогоднее. Вместо воды от жажды, — с одышкой проговорила она, садясь на табурет. — Давайте, чтоб не допустили в наш хутор немцев... За Красную Армию и мужей!

Не смущаясь оговоркой, Валентина выпила первой. Закусили. Налила по второй. Приметив, что с лица Ефросиньи не сходит выражение печальной отрешенности, со вздохом поправилась:

— Помянем теперь Бориса. Земля ему пухом.

— Вечная память, — добавила Наталья. — Был казаком настоящим.

Ефросинья подняла руку со стопкой и удивленно сузила взгляд:

— С чего это вдруг? Я пила за него как за живого! Это сначала ополоумела... А потом — стоп! В Галюгаевской похоронку принесли, а бойца только ранило. Про такой случай и тетка Василиса рассказывала... Живой Борис! Не верю я в извещение, не верю. Буду ждать до конца войны... Давайте за него и за ваших еще раз!

— Значится, сердце вешает, — подхватила Валентина. — Нехай ни пуля, ни шашка, ни огонь их не берёт. А побеждают и скорей вертаются!

Валентина, опрокинув свою посудинку, с затаенной хитрецей спросила:

— Ну, как чихирёк?

— Сладенький, — причмокнула Наталья. — Как поцеловалась. Жалко, не с кем!

— Давайте теперь за нас, чтоб добро не пропадало.

И без того прокаленные лица запыхали, расслабленно размлели тела. Наталья, стройная и гибкая, потянулась и, выдернув гребень, растрясла по плечам, просушивая, темные длинные волосы. С закрытыми глазами откинулась на спинку стула, выпячивая под нижней рубашкой литые груди. Ароматное вино пьянило ласково и незаметно.

— Ох, и намаялись... Мало, руки-ноги оцарапали, ресницы спалили, так еще кофточку мою искрой прожгло. Волдырь на титьке вскочил, — сокрушалась Валентина, обмахивая лицо утиркой. — Крушится жизнь. Немцы подкрадываются. Может, в отступ? Оставим хозяйство на старых — их не тронут, а сами к беженцам примкнем.

— Скажите, почему до Терека фрицев допустили? — загорячилась Наталья. — С виноградника Царский тракт как на ладони. Вчера я там работала. Ужас, сколько беженцев с тачками и чемоданами, подвод, машин. Полки! Удирают, чтоб за горами схватиться... Я бы тоже сорвалась. Да бригадир не отпустит И мамуку¹ не бросишь, сердце слабое. Опять же, кому мы нужны с детьми. Бродяжить, милостыню просить? Вот тебе и «Красная Армия всех сильнеей»!

— Что ты разошлась?! — оборвала Ефросинья с гортанной ноткой в голосе, что бывало, когда особенно волновалась. — Борис мой никогда от страха не побежит. И твой Митька, и Фёдор её... Красноармейцы бьются изо всех сил. Я в этом уверена. А потому отступают, что вооружения не хватает. Больше у немчуры самолетов и танков.

— Терцы клятву сдержат. Это верно. Потому — казаки! А за других — не божишь, — покачала головой хозяйка. — Лучше о себе, девчата, поговорим. Что теперь делать? Как жить? У меня двое детей, у вас по одному. Да старики наши. И каждого накорми! Главное, запастись продуктами. Картошку, хоть и мелкая в этом году, срочно выкопать. Что можно — украсть в колхозе...

— А про другое забыла? — фыркнула Наталья, щуря свои цепкие крыжовенные глаза. — Про участь нашу. Мы с тобой — бабы как бабы. А на Фроську мужики зарятся. А если немцы?... В Гражданскую войну я малюсенькой была и помню, как горцы в хутор наскочили. Мамука на чердаке пряталась. Двух баб насиловали и калмычку одну, незамужнюю. Беженка у нас ютилась из благородных. Так она — с места не сойти — остриглась налысо. Вроде тифозная. Потому не тронули...

— И молодец, — хлопнула ладонью по столу Валентина и воинственно подбоченилась.

— Дуже адатная!² Без мужиков тоже не жисть. Встала б и отряхнулась! — шало искривила губы захмелевшая Наталья. — На монастырь я не согласна. Что на роду написано — тому быть. Да не так страшен ведьмак, как малюют.

— Может, сумеют отбить фашистов? — не утаила надежды Ефросинья, почувствовав, что клонит в сон.

— Вряд ли, — клонула носом Валентина. — Что гадать? А давайте затынем. Душа просит...

— Заводи, — кивнула Наталья.

Хозяйка, придав лицу страдательное выражение, запела страстно, с замиранием:

Ох, мама моя, мамка роденькая!

Что мне делать, скажи-расскажи.

Казака полюби... полюбила молоденького

Я всей силой моей беззащитной души.

И при повторе, когда подхватили подруги, Валентина подняла голос на предельную высоту, как учила мать, — лучшая в округе песенница. Но на втором куплете певунья остановилась и протяжно зевнула.

Ефросинья на миг прикрыла глаза — и тотчас погрузилась в зеленоватую теплую темь. Словно сквозь воду слышала она, как снова пробовала запевать Валентина и остановилась, затем в тишине сладостно навалилась дремота...

Ей привиделся Машук в весеннем мареве, бегущий вдоль родной станицы по своему извечному руслу полноводный Подкумок, родительский дом с крылечком. А за ним — цветущий сад. Увидела она себя девочкой, любующейся деревьями. И вдруг между белопенными соцветиями стали появляться на ветках черные блестящие кольца, а когда приблизилась, то заметила клубки гадюк, обвивающие груши и вишни, и от страшного испуга закричала...

С колотившимся сердцем Ефросинья открыла глаза. Ее разбудил незнакомый тяжелый гул. Подруги спали, посапывали сидя, опершись на спинки стульев. В приоткрытую дверь заглядывал, скобочив голову, рыжий петух, с черной, слегка отливающей бирюзой шейкой и резным бордовым гребнем.

И в эту минуту с бешеной силой громынул взрыв, дрогнула земля и со стола слетела, звякнув о пол, чарка. Подскочив спросонья, Валентина и Наталья испуганно уставились на Ефросинью. Та не успела ответить, как подряд ухнули еще две бомбы. Но отдаленней, — за хутором. Оцепенев в страхе, стояли неподвижно. Гул стих. Вновь прорезал тишь крик петуха.

¹ Мамука (тер.) — мать.

² Адатная (тер.) — с норовом, плохим характером.

— Искупались, а дымом отдаёт, — в нервной горячке посетовала Валентина. — Как же так...

— Бомбил нас, сволочь, — ругнулась Наталья, приходя в себя. — Крепенько спали... Что стоим, Фрося? Может, в наши дома попал...

И как была, в нижней рубашке, опрометью бросилась из кухни. Ефросинья, натянув юбку и застегивая на ходу кофточку, побежала вдогон. На улице чувствовался резкий запах тротила, принесённый ветром. И приняла, осознала как данность случившееся — война уже здесь...

6

Хутор разбуженно шумел. Взгляд Ефросиньи еще издали выхватил подворье и хату — они были невредимы. Всё кругом казалось необыкновенно близким: и уличный строй домов, и резные их ставенки, и плетни, и палисады с нежно-лимонными и пунцовыми мальвами. «Без суеты. Всё делать по уму», — успокаивала себя Ефросинья, отворяя калитку.

Под камышовым навесом знакомо пахло коровой, подсохшим разнотравьем, навозом. Буська, почуяв хозяйку, повернула голову и призывно замычала. Ефросинья напоила буренку, подбросила в опустошенные за ночь ясли сенца и принялась доить. В посвежевшем воздухе волнующе витал сладковато-густой запах парного молока, и теплоту его она ощутила коленями, удерживающими подойник, — на что прежде не обращала внимания. Но вновь непрошенно кольнула тревога: что с Павлушей и свекром? Мысленно перенеслась она в родную казацкую хату, в станицу Горячеводскую. Теперь они там, а Ефросинья — в хуторе, где стала жить после замужества.

Борис учился в Пятигорске на тракториста, когда случайно познакомились на первомайской демонстрации. Год переписывались, пока она заканчивала педучилище. Однако преподавать немецкий язык ей так и не пришлось. В Пьяном Кургане была только начальная школа, поэтому вынужденно пошла в колхоз. Думала — ненадолго, надеясь, что перетащит мужа в город...

Соседка, тетка Василиса, в обрезанном потертом бешмете и калошах, ворошила кизяки в потрескивающей надворной печуре. На дощатом столе в горшке желтели куски тыквы. Увидев Ефросинью, входящую со стороны огорода с кувшином, она поправила на голове косынку, приветственно кивнула.

— Вот, Фрося, дождалась войны. И к нам добрались, аспиды! Я уже у Махоры разузнала. Одна бомба на огороде Черноусихи упала, осколками крышу посеколо. А другие на берегу деревья с корнями вырвали. Где они, проклятые, зараз? Близко?

— Вроде бы около Минвод. — Ефросинья поставила на стол кувшин. — А может, еще ближе. Неда-

ром приказали траншею рыть. Иду на гору, а у самой сердце разрывается! Сынок и свекор до сих пор не приехали.

— Ну, Фомич тёртый калач. В огонь не полезет. Так-то оно и лучше... А за молочко благодарствую. Бабы, дочка, решили ноне коров не выгонять. Пусть и твоя в стойле днюет.

— Я задала сенца, напоите в обед.... Без вас, тетя Василиса, я как без рук. И дома не живу...

— Не переживай. Присмотрю как надо.

К семи часам все, кто смог осилить подъем, были во главе с бригадиром на месте. Ждали военного. Утро быстро теряло прохладу. Пахло молодой польнью, доцветающим шалфеем и донником. Иногда доносился приторно-сладкий аромат татарника. Пологая вершина, в пожухлой траве и бурьяне, перетекала в поле, занятое бахчой. А далее второй волной оно поднималось на увал. Вдоль поля тянулась дорога на станицу Курскую, которая от выгона петляла у реки, а затем делала крюк по склону.

Ефросинья, проходя через многолюдную толпу, ощутила себя точно на похоронах. Хмурыми и сгорбленными выглядели бородачи и пожилые бабы, опиравшиеся на лопаты. Небогатый запас сил они растратили при подъеме, но по старинке храбрились, пошучивали. В стороне кучковалась молодежь, о чем-то оживленно споря. Тут же сновали вездесущие сорванцы, украдкой отдаляясь к лесополосу, откуда легче выспать на бахчу, хотя и знали, что поживиться арбузами и дынями не так-то просто. Вблизи дороги высились холобуда¹, крытая сеном и ветками. Сторож дед Бобрусь, с берданкой за плечом, похаживал сейчас, пока не так жарко, мерил своими журавлиными ногами баштан, всем видом показывая, что покушаться на колхозное добро бесполезно.

Многочисленная группа молодаек держалась особняком. Они лузгали семечки, судачили, косились на дядьку Савелия, ожидая от него команды. Шёл второй час бессмысленного стояния.

— Должно, немцы совсем близко, — продолжила разговор дородная Дарья Портнова. — Беженцы отхлынули. А тех, у кого дети, военные расселяют по хуторам. В Дымкове две семьи поместили, свекор там был. А на содержание эвакуированных положено законом выдавать деньги. Или в счет налогов. А ну, прокорми ораву! И без того не солоно хлебаем. Еще военный заем брать заставили.

— У скитальцев выгодно одежду выменять, — сощурила свои хитроватые глазки Надежда Курбатова, работавшая в сельмаге продавцом. — За полкило сливочного масла я в Стодеревской у одной москвички панбархатное платье отхватила!

— Нашли нас, крайних! Больше некого, — ворчала носатая неулыба Людмила Старечкина. — Не-

¹ Холобуда (южн. каз.) — шалаш.

хай тогда, если за них не плотят, сами постояльцы окупают хлеб и койку. Ишь, насели на казаков!

— А то, что сторож на бахчу детей не пускает, это как? — вклинилась в разговор верткая и неряшливо одетая Таисия Назарова. — Для кого, спрашивается, бережет?

— Гремело, а сейчас тихо. Может, бои кончились? — вкрадчиво предположила худенькая Нина Загудина, конопатая одиночка, которую перед войной бросил муж.

— Какие там бои, — возразила грустноглазая Вера Стахурлова, не снимавшая черный вдовий платок. — Слышала в саду от шефов, что будут красноармейцы оборону налаживать на том берегу Терека. Значится, попадём мы в самое пекло!

— Да кому наш хутор нужен? Буруны да степь кругом, — возразила Наталья, накрутившая на голове кукиш и выглядевшая сейчас неприглядно. Она подошла к Ефросинье, спросила: — Твои вернулись?

— И не спрашивай. Не знаю, что делать. Хоть самой езжай за ними.

— Голова шумит. Напоила Валька. А сама хоть бы хны. Опять, гляди, с Михеичем бодается. Слон и Моська! А ну, пойдём...

И на самом деле, стоящие рядом приземистая толстушка и двухметровый казачина выглядели весьма забавно. Однажды сцепившись принародно в пустыяном споре, они с тех пор устраивали при встречах словесную баталию.

— Чихирь, Валентина, не уважает тепло. Ты ересь несешь и не краснеешь, — уличал Авдей Михеевич, низко склонив кудлатую, точно у снеговика, белую голову. — Надобно, чтоб бочка с надавленным соком и часу на дворе не торчала! А почему? Мошкара. Сиганёт она в сок и своим особым ядом заражение исделает. И винцо пойдет не той колеёй, и не услада получается, а кислое пойло. Надавил ты — и сразу в холодок его, в погреб ховай.

— А чтоб сок забродил да силу взял? И бабука моя, и мать иначе делали! Три дня на солнце ставим...

— Ого! — хохотнул старик и ощерил беззубый рот. — За три денька квас кацапский вызревает.

— А почему ж мой чихирь хвалят, а ваш не очень?

— Не дури ты, Валюшка, честных людей! Промое винцо, какое я лелею, выстаиваю до слезливой ясности, молва катится. И полагается перед тем, как выпить мой чихирь, твоей кислятиной руки хорошенько вымыть...

На этот раз бородач острил, жал на собственный авторитет и, похоже, брал верх. Валентина не отступала, и неизвестно, кто бы торжествовал, если б не замаячила на дороге повозка. Многие облегченно подумали, что спешит тот самый запоздавший военный. Однако зоркие женские глаза разглядели, что несущаяся по шляху, оставляющая за собой пыльный хвост подвода — колхозная, а правит ею стоя-

щий в полный рост Санька. То, что кучер безжалостно хлестал мерина и оглядывался, всем показалось странным.

Не сдержавшись, навстречу ошалевшему лихачу двинулся бригадир. Но Санька метров за сорок закричал сдавленным тенорком:

— Немцы! На мотоциклах!

Толпа порывисто колыхнулась. Испуганные возгласы спутались в громкий гул. Малюгин не смутился, лишь рассвирепел, тыча рукой на дорогу:

— Где они? Покажи! Примерещилось? Стервец ты этакий, коня загнал! Все бока в пене...

— Я правду говорю! За лесополосой. А до этого видел кавалеристов наших. Они скакали по балке, к Тереку!

— Слезай! И не мути воду, кусок идивота!

Савелий Кузьмич повернулся к хуторянам и тем же разгоряченным голосом скомандовал:

— Старым разрешаю удалиться. Остальные — стройся в шеренгу! Начнем рыть. Три метра в ширину, два — в глубину. В Гражданскую мне приходилось по такому делу. Ничего тут сложного нет: бери поближе, кидай подальше.

Никто не понимал, для чего нужно было здесь рыть траншею. Прежде всего, этот открытый участок степи никакого интереса для военных не представлял. Копать, вгонять лопату в целинную твердь даже для привычной Ефросиньи оказалось трудом непосильным. Острие лопаты вязло, с трудом разрезало сплетения крепких, как проволока, корней. Попыталась она рубить землю, бросая лопату сверху вниз, но и это не помогало. У подруг дело шло не лучше. Солнце жгло немилосердно. Мучила жажда. Губы только смачивали, помня, что вода в жару — первый враг...

Шорохи по бурьянам и неровный перестук лопат. Одурающий зной, от которого пульсирует в висках. И немая исступленность от сознания, что траншея эта — бессмысленная трата сил и времени, поскольку гораздо проще в хутор попасть по дороге.

7

Выстрел из ружья — сигнал тревоги — прозвучал громко и обрывисто. Ефросинья разогнулась и подняла голову. Сначала не сообразила, зачем это дед Бобрусь мчался по полю с небывалой прытью и — на ходу отбросил свое ружьё. Может, пацанов догонял?

Но какая-то из молодаек, копавших на дальнем краю траншеи, отчаянно выкрикнула:

— Бабы, танки на поле!

Разом бросилось в глаза: в дымке, поднятой ветром, полуденное выгоревшее небо, скачущий на его фоне всадник на гнедой и за ним — два грязно-зеленых чудища с башнями, помеченными черными крестами. Они, по всему, преследовали верхоконного. Не стреляли, намереваясь раздавить. Из-